

Пока они разговаривали, через ворота стадиона вошло несколько спортсменов в футболках и шортах. После выступления с Веерами Тайцзи должна была начаться соревновательная программа, так что участникам тоже нужно было прийти заранее для регистрации. И фигура, которую он тщательно высматривал все утро, внезапно оказалась среди них.

Сун Фэй малодушно вжался в толпу, мысленно заклиная: «Хоть бы не заметил, хоть бы не заметил, хоть бы не заметил... А кто заметит — тот козел...»

— Сун Фэй?!

«Козел» его все-таки окликнул.

Сун Фэй пересилил себя, подошел и натянул дружелюбную улыбку:

— На соревнования?

Ци Янь кивнул, а затем с подозрением оглядел наряд своего бывшего с ног до головы.

Сун Фэй с эффектным щелчком раскрыл веер, но благоразумно обмахиваться им не стал:

— Веер Багуа Тайцзи.

Ци Янь рассмеялся, его глаза прищурились, превратившись в два полумесяца. В такие моменты он выглядел безобиднее всего — настолько невинно, будто и правда был добряком.

Сун Фэй едва снова не растаял от этой улыбки, но, к счастью, тот вовремя добавил:

— Довольно мило.

Сун Фэю до смерти захотелось натянуть шиповки и отвесить ему хорошего пинка.

Вскоре пришло время строиться. Из репродуктора раздался голос диктора:

— А теперь встречайте выступление Историко-культурологического института с Веером Багуа Тайцзи! Давайте поприветствуем их аплодисментами!

Все второкурсники Исторического института, уже выстроившиеся в шеренгу, дружно двинулись к центру стадиона.

Ци Янь и еще около двух десятков спортсменов, ждавших начала своих соревнований, наблюдали за ними с беговой дорожки. И Ци Янь смотрел с особенным, неприкрытым любопытством.

Сун Фэй чувствовал себя как на иголках. Даже когда заиграла музыка, он все время отвлекался, косясь в ту сторону.

Как говорится, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Несобранность привела к тому, что во время приема «Белый журавль расправляет крылья» Сун Фэй не удержал веер, и тот вылетел из рук, приземлившись прямо на затылок стоявшего впереди Сян Яна. Спицы веера были из нержавеющей стали, и хотя удар пришелся плашмя, а не торцом, Сун Фэю даже смотреть на это было больно. Сян Ян ожидаемо взвыл и запорол позу «Тигр спускается с горы», но тут же, словно птица Рух, расправил крылья и вернулся в ритм — его движения оставались плавными, но при этом сильными. «Вот она, великая сила любви», — подумал Сун Фэй. Он быстро сделал пару шагов, подобрал веер и продолжил выписывать

«Рассекая гору Хуашань».

Кое-как дотерпев до конца выступления, Сун Фэй смешался с толпой и поспешил уйти со стадиона. Однако, проходя мимо ворот, он заметил, что Ци Янь все еще сгибается пополам от смеха.

В глазах этого человека он никогда не выглядел солидно. «Ладно, — обреченно подумал Сун Фэй, — одним позором больше, одним меньше, какая разница».

Когда он вернулся на трибуны, Ци Янь уже стоял на стартовой линии. Из объявления по громкой связи Сун Фэй узнал, что этот придурок записался на дистанцию в десять тысяч метров. Когда они были вместе, Ци Янь действительно пару раз затаскивал его по вечерам на пробежку вокруг стадиона под предлогом укрепления здоровья. Но после двух тренировок Сун Фэй взбунтовался и больше не шел ни в какую. Сейчас, оглядываясь назад, он понимал, что у них не совпадало абсолютно ничего: ни подход к учебе, ни привычки, ни увлечения. То, что они смогли провстречаться целый семестр, казалось настоящим чудом.

Раздался стартовый выстрел, и около двадцати человек не торопясь начали забег.

Ци Янь сильно выделялся в толпе: при росте метр восемьдесят три он казался длинноногим от самых ушей, а его бег приковывал взгляды, сочетая в себе силу и грацию. Глядя на него, Сун Фэй почувствовал, как пересохло в горле. Сглотнув слюну, он с досадой отвел глаза и заставил себя уткнуться в телефон.

Он любил Ци Яня. В конце концов, именно он первым проявил инициативу, а когда тот согласился встречаться, Сун Фэй от радости не мог уснуть несколько ночей. Однако по мере развития отношений разногласий становилось все больше. Ярче всего это проявлялось в их повседневной жизни. Жизнь Ци Яня крутилась в замкнутом четырехугольнике: аудитория — Библиотека — Столовая — Общежитие. Есть пары — он учится, нет пар — идет на самоподготовку, а по вечерам обязательно тренируется на стадионе. Сун Фэй же учился, когда приходилось, а в свободное время торчал в Общежитии. На стадион он не совался ни под каким видом, кроме уроков физкультуры, а в Библиотеку вообще не заглядывал. Поначалу Сун Фэй еще пытался держать марку и притворяться прилежным студентом, но надолго его не хватило. Ци Янь мог просидеть за учебниками весь день, а для Сун Фэя каждая минута рядом тянулась как вечность — каким бы красивым ни был профиль Ци Яня, на него нельзя смотреть бесконечно, как на американский сериал. Со временем Сун Фэй стал всячески уклоняться от совместной учебы. Ци Янь был не глуп и быстро все понял, после чего начал долгий путь перевоспитания, проще говоря — постоянных придинок. Суть сводилась к тому, что Сун Фэй все делает не так, в университете просто валяет дурака, и в будущем, выйдя в общество, ничего путного из него не выйдет. У Сун Фэя характер был не из кротких, поэтому, наслушавшись критики, он начинал спорить. В этих ссорах не было правых и виноватых, просто Сун Фэю не нравилось сквозившее в каждом слове пренебрежение. Если он так им пренебрегал, зачем вообще согласился встречаться? Но Ци Янь даже не снисходил до ссор. Стоило Сун Фэю вспылить, как тот ледяным тоном советовал ему успокоиться и продолжить разговор, когда они оба будут мыслить здраво. Каждый раз Сун Фэй оставался наедине со своей яростью, которой некуда было выплеснуться, пока в один прекрасный день не выдержал и не предложил расстаться.

Все общие знакомые твердили, какой Ци Янь красивый, умный и покладистый — идеальный парень, к которому не придерешься.

Сун Фэй думал, что все свои худшие стороны тот показывал только тем, кого считал «своими».

В итоге Ци Янь пришел вторым, а первое место занял парень из Филологического института. Поначалу никто не воспринимал этого невзрачного студента всерьез, но за пять кругов до финиша они с Ци Янем вырвались вперед, оставив остальных соперников далеко позади. Высокий и длинноногий Ци Янь бежал легко, с широким шагом и ровным ритмом — на него приятно было смотреть. Филолог же был на целую голову ниже, и хотя проигрывал в длине шага, брал высокой частотой движений. В его беге чувствовалось невероятное упорство.

Сун Фэй сжимал в руке телефон, но во второй половине забега практически не сводил глаз с дорожки. Он видел, что Ци Янь выкладывается на полную, однако пересек финишную черту лишь в трех шагах позади соперника. Из динамиков донеслись поздравления победителю из Филологического института и серебряному призеру из Института наук о жизни. Диктор назвал имена спортсменов, но Сун Фэй почти не слушал — все его внимание было приковано к Ци Яню.

Тот стоял, согнувшись и уперевшись руками в колени, и тяжело дышал. Сун Фэй понимал, что его бывший измотан до предела, а финальный рывок дался ему на грани возможностей. «Будь я на его месте, — подумал Сун Фэй, — уже брякнулся бы на землю звездочкой, и плевать на всех». Но это же Ци Янь. Он должен был сохранять лицо в любой ситуации. Интересно, эта его почти мазохистская самодисциплина — врожденное качество или результат воспитания?

Финишная черта находилась прямо напротив сектора трибун, где сидел Сун Фэй со своей группой. Если бы Ци Янь сейчас поднял голову, они бы непременно встретились взглядами. К тому же, студенты Исторического института в своих белых халатах выделялись так ярко, что не заметить их было невозможно. Однако Ци Янь от начала и до конца стоял к ним спиной и ушел с поля, так ни разу и не повернувшись.

Мысленно ворча, Сун Фэй все же сочувствовал ему. Зная характер этого упряма, второе место для него приравнивалось к поражению — что серебро, что последнее место, разницы никакой. При этой мысли смотреть на его удаляющуюся, одинокую спину стало как-то по-глупому больно.

Спортивный фестиваль длился два дня. Во второй половине второго дня студенты факультета физкультуры, которые до этого трудились в поте лица организаторами, судьями и хронометристами, наконец вышли из тени. Начались показательные выступления.

Обычно говорят, что все познается в сравнении, но когда разница в классе колоссальна, даже без всяких сравнений мастерство профессионалов заставляет разинуть рот. Они проносились мимо подобно урагану — вжик, и нет никого. Глаза едва успевали выхватывать силуэты бегунов в клубах поднятой ими пыли.

В конце концов обитатели комнаты 440 пришли к единогласному выводу: кесарю кесарево, а им лучше и дальше мирно практиковать Тайцзи.

С завершением спортивного фестиваля погода стала заметно прохладнее. Листва на теплолюбивых деревьях в кампусе подернулась желтизной. Опавшие листья изредка опускались на ветви вечнозеленых сосен и кипарисов, и это сочетание золота с глубокой зеленью хвои выглядело на удивление поэтично.

Сун Фэй вернулся к своему привычному расписанию: ходить на обязательные лекции, прогуливать факультативы, смотреть новые серии аниме и залипать в телефоне. Однако спустя неделю он почувствовал какую-то странность. Раньше в Общежитии один лишь Ван Цинюань целыми днями читал книги или решал задачи. Сян Ян обычно ворковал по телефону со своей

девушкой, а Жэнь Чжэ пропадал с утра до вечера, так что вне занятий его было не застать — он либо клеил первокурсниц, либо как раз шел это делать. Но в последние дни в 440 яблоку негде было упасть. Причем пока Сун Фэй валялся с ноутбуком, остальные трое прилежно горбились над столами, и от одних их спин веяло невероятным прилежанием.

В тот день после обеда пар не было. Сун Фэй проспал до самого вечера. Это могло бы стать прекрасным завершением дня, если бы не трагический финал: он проснулся от какой-то странной, жуткой тишины. Жуткой она казалась потому, что не была абсолютным беззвучием. Это были 99% тишины, разбавленные 1% едва слышных звуков — тихим шелестом переворачиваемых страниц и шуршанием ручек по бумаге. На фоне общего безмолвия эти шорохи действовали на нервы покруче любого будильника.

<http://bllate.org/book/18287/1753371>